

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. Алексеенко

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ 1980–1990-х гг.)

В числе методов получения полевой этнографической информации одним из наиболее результативных оказался так называемый биографический подход: рассказывая свою биографию, информант приводит наиболее достоверные факты и их объяснения. Автор всегда использовала методы биографического подхода в полевой работе в Туруханском районе Красноярского Севера, но во второй половине 80-х — начале 90-х гг. XX в. именно они оказались на удивление результативными.

Коренные жители — кеты, периферийные группы селькупов и эвенков — до начала 1970-х гг. в большинстве еще были заняты в промысловых отраслях; использовались исконные (семейно-родовые, семейные) охотничьи, рыболовные и пастбищные угодья. Промысловый образ жизни консервировал приспособленный к нему культурно-бытовой уклад и социальные отношения, базировавшиеся на кровнородственных связях. В целом это был последний этап существования живой этнографической традиции. В 1980–1990-е гг. имели место существенные видоизменения и даже утрата некоторых ее показателей.

Однако накопленный в предыдущие десятилетия материал позволял выявить и восполнить информационные лакуны в сфере духовной культуры. Стационарный метод в этнографии является важным, но, разумеется, не единственным условием успеха. Методику полевой работы может определять и квалификация исследователя, и характер темы.

По мере естественной смены поколений, интенсификации социальных и бытовых перемен на местах актуализировалась задача выбора информантов. В 1980-е гг. эффективными стали поездки «под одного» (нескольких) ведущего знатока, уже известного по предыдущим сезонам полевой работы. В 1981–1991 гг. таковыми были Е.С. Суглин (р. Улей; пос. Алинское на р. Енисей), О.В. Тыганова (пос. Суломай и Байкит на р. Подкаменная Тунгуска), З.Н. Дибикова (пос. Верецагино на р. Енисей), В.Ф. Максун (пос. Бакланиха на Енисее). В указанное десятилетие они оставались едва ли не последними настоящими знатоками кетской традиционной мифологии,

культы и ритуала. Все они отлично знали свой язык, некоторые владели и селькупским. Но кроме знаний их отличало чрезвычайно ответственное отношение к своей роли, открытость и желание быть полезными. Неоднократно они сами инициировали занятия, заставляя отставить запланированные дела. Так, поводом для неожиданного явления рано утром Е.С. Сутлина могла быть неуверенность в правильности записанного накануне («богоди, богоди, читай, что вчера писали...»). Свои сомнения он снимал консультациями со старшими сестрами. О.В. Тыганова в таком случае приводила других знатоков или посылала нас к ним. Ее консультантами-оппонентами в Суломае были Т.Г. Толстых, К.М. Тыганов, И.И. Тыганов. Истина рождалась в споре. Нам оставалось гасить страсти чаем, а потом снова разбираться в подчас противоречивых фактах (например, когда речь шла о так называемых «душах» человека).

Для меня эти люди остались «последними из могикан» на туруханском этнографическом пространстве.

Особое место в моем полевом материале занимает «медвежья» тематика. Практически каждый сезон приносил новое. На основании биографического рассказа О.В. Тыгановой в конце 1960-х гг. Е.А. Крейновичем была написана превосходная статья о медвежьем празднике у суломайских кетов. Со слов информантки был записан по-кетски текст о медвежьем обряде, участницей которого она была (явившуюся «в гости» медведицу она определила методом гадания как свою мать).

Работа с О.В. Тыгановой имела продолжение во время поездки осенью 1986 г. на р. Подкаменная Тунгуска. Мы жили в семье О.В. Тыгановой в пос. Байкит (Эвенкия), где в течение нескольких лет работал ее сын. В одной из самых первых, «неофициальных» бесед о знакомых суломайцах Ольга Васильевна рассказала про страшную гибель от медведя знаменитого охотника Афанасия Тыганова. Случившееся потрясло и суломайцев, и байкитцев. Причину трагедии Ольга Васильевна однозначно объяснила мстью медведя. Того же мнения придерживались и ее односельчане.

И в дальнейшем биографический подход в беседах с информантами на «медвежью» тему оказался самым эффективным. Примером могут служить яркие рассказы Василия Филипповича Максимова (пос. Бакланиха, 1989 г.) о своих встречах с родственниками-медведями. Информанта отличали эмоциональность и замечательная память. Он радостно удивлялся сохранявшимся отличительным чертам характера и особенностям их поведения. Медведица-жена (при жизни ее они не ладили) повалила его палатку, развязала кули с мукой и рассыпала содержимое, разобрала сушившиеся на берегу сети-пушальни. В крупной медведице, встре-

тившейся в лесу, Василий Филиппович узнал «бабку Марью» (Марию Хозову). Он взмок от страха и, не в силах сдвинуться с места, стал жаловаться на болезнь и просить не обижать. Медведица постояла, послушала, потом «плюнула и ушла». Какими были их прежние отношения, Василий Филиппович не уточнил, заметив только, что старуха и раньше имела привычку плевать. Надо сказать, что в конце 1950-х гг. я встречалась с Марией Васильевной Хозовой. Она отличалась высоким ростом, светлыми волосами и редкой для кетов статью. Известный на Енисее в конце XIX — начале XX в. шаман Василий Лесовкин считался ее близким родственником.

Настоящую радость Василию Филипповичу доставила встреча с любимой («веселой и разговорной») сестрой Татьяной. К тому же она явилась не одна, а с двумя племянниками (с медведицей были двое медвежат). Василий Филиппович знал, что в реальной жизни те умерли взрослыми от «русской болезни», но с Татьяной они пришли из своего детства, повторяющегося, как и все другие этапы их реальной жизни, в инобытии.

«Русской болезнью» кеты называли корь. Эпидемии этой болезни неоднократно свирепствовали в регионе, унося целые семьи. Считается, что от нее вымерло большое стойбище на Сосновом лбу вблизи р. Духовой. Угодья здесь осваивали кеты и селькупы из смешанной Черноостровской группы, к которой относились и сородичи В.Ф. Максунува. Сам он продолжал подолгу жить в этих местах, предпочитая их деревне, и осенью 1989 г. собирался до ледостава на Енисее вернуться туда зимовать. На вопрос, чем так привлекают его эти места, Василий Филиппович выразительно ответил: «Там царство, там бабка Марья!»

Данный пример временного смещения был первым из многих, записанных в том сезоне. Ровесница XX в., Зинаида Николаевна Дибикова (пос. Верещагино, 1987 г.), обнаружившая берлогу с медведицей, считала, что к ней приходила ее мать, будучи еще бездетной, т.е. из времени до рождения самой информантки.

Объяснение дает этнографическая информация. Считалось, что умерший в образе медведя может семикратно навестить своих родственников; всякий раз в одном и том же или разном возрасте, но всегда в пределах реально прожитого жизненного срока. Человек, покинувший этот мир молодым, в образе старого медведя не придет, старик же (старуха) мог после смерти предстать в своем возрасте или, как бы повернув время вспять, мальчиком, юношей, мужчиной в расцвете сил. «Дед-покойник Иван Петрович Хозов приходил пять раз. Последний раз пришел старый, зубов нет, век спит. Еле вытащили, маут олений привязывали...» (В.Ф. Максунув, пос. Бакланыха, 1989 г.).

За приведенными фактами вскрывается парадоксальное для нас, но естественное для мифологического мышления кетов понимание течения времени и конкретно — периодов, соответствующих общепринятым категориям «прошлое, настоящее, будущее».

Материал, полученный в биографическом контексте, я считаю большой удачей, остается только сожалеть, что использовался этот метод все же недостаточно и преимущественно во время последних экспедиционных поездок.

В.Р. Арсеньев

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АФРИКАНИСТИКА НА НОВЕЙШЕМ ЭТАПЕ ИСТОРИИ РОССИИ

Россия вступает в новый этап своей истории. К его приметам, в частности, относится то, что практика жизни страны, практика реализации ее экономических и политических интересов вновь вернули для государства и бизнес-сообщества РФ Африку. В связи с этим можно предположить и то, что африканские исследования вновь будут востребованы обществом, как это было в 1960–1980 гг. Но готова ли сегодняшняя африканистика и, в частности, африканистика в Санкт-Петербурге ответить на запрос российского общества с учетом его интересов в Африке в случае, если такой запрос возникнет?

Сегодня в африканистике, как и в целом в отечественном обществоведении, ситуация отличается от времен СССР. Нет необходимости с ложной стыдливостью обходить вопрос об «идеологии», хотя бы потому, что в России идет ее мучительный поиск. К тому же ныне проблема идеологии выражает не вопрос о присутствии «надрелигиозной конфессиональности», но общечеловеческие мировоззренческие основания отражения мира и бытия в нем. Особо остро эта проблема встала в таком виде как раз в связи с видимым «крахом» предшествовавшей идеологемы классовой борьбы в качестве главной движущей силы человеческой Истории [Арсеньев 1995: 5–15].

Но сохранилось унаследованное от XIX в. монистическое видение Истории как однонаправленной столбовой дороги человечества к совершенному устройству общества. Это убеждение — в свою очередь, весьма идеологизированное и основанное на вере в его неизблемость и неоспоримость — детерминировалось, в частности, свойственным европейской цивилизации восприятием времени как линейного и необратимого. Но данные сравнительной этнографии говорят о том, что в общечеловеческом масштабе такого единообра-